

ПРЕДИСЛОВИЕ

II Международный симпозиум «Уроки Холокоста и современная Россия» был организован российским Центром «Холокост» при участии Центра Марка Блока Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ) и Общества «Мемориал». Он был посвящен памяти выдающегося российского историка и философа, президента Центра «Холокост» М.Я. Гефтера (1918-1995), по инициативе которого в 1994 г. был проведен первый одноименный симпозиум. Издание его материалов положило начало книжной серии «Российская Библиотека Холокоста» (см. «Уроки Холокоста и современная Россия (материалы международного симпозиума, проведенного в Москве 6-8 мая 1994г.)» — М.: Центр «Холокост», 1995).

Симпозиум открылся вечером памяти евреев — жертв нацизма и героев Сопротивления в Центральном Доме Литераторов. На вечере выступили Президент Центра «Холокост» Алла Гербер, известный правозащитник Сергей Ковалев, писатели Фазиль Искандер, Александр Борщаговский, Лев Разгон, бывший узник Освенцима и Бухенвальда Мел Мермелштейн и другие. Посол Государства Израиль в России профессор Ализа Шенар вручила дипломы «Праведников Народов Мира» гражданам России, спасавшим евреев от преследования нацистов. Было зачитано обращение к участникам симпозиума основателя Фонда исторических видеодокументов «Пережившие ШОА», знаменитого американского кинорежиссера Стивена Спилберга.

В течение трех дней в здании РГГУ проходили заседания симпозиума, в которых участвовали около 300 человек. Было заслушано свыше 80 докладов и выступлений участников из 11 государств — России, Украины, Беларуси, Молдовы, Латвии, Литвы, Германии, Польши, Израиля, США, Франции. На открытии симпозиума прозвучали приветствия директора Института Яд Вашем д-ра Авнера Шалева, командира дивизии, освобождавшей лагерь смерти Освенцим, генерала В.Я. Петренко, сопредседателя историко-просветительного Общества «Мемориал» А.Ю. Даниэля.

На пленарном заседании с докладами выступили ученые и общественные деятели, представлявшие российский центр «Холокост», Мемориальный Музей Холокоста США, Яд Вашем, Сор-

бонну, Российскую Академию наук, Министерство образования РФ, Государственную Думу РФ.

На тематическом заседании «История Холокоста» прозвучали сообщения представителей Государственной архивной службы России, музея «Лохамей ха Геттаот» (Израиль), Фонда «Пережившие Шоа» (США), Яд Вашем (Израиль), Общества «Сторожевая Башня» (Германия), научных институтов Французской и Российской Академий наук, Гарвардского Университета (США), вузов Киева, Минска, Воронежа, Фондов и обществ из Израиля, Латвии, Беларуси. Они касались проблем изучения новых архивных комплексов и видеосвидетельств по теме, ее историографии, проблем сохранения Холокоста в национальной памяти народов, истории Сопrotивления нацистам евреев и Свидетелей Иеговы.

«Круглый стол» «Тень Холокоста: националистическая пропаганда (1941 — 1997)» был посвящен анализу периодической печати в различных регионах оккупированной территории СССР и современным националистическим изданиям, в том числе — отрицающим или фальсифицирующим историю Холокоста. Среди выступавших были представители Центра Симона Визенталя (США), Люблинского (Польша), Беер-Шевского (Израиль), Вильнюсского (Литва), Витебского (Беларусь), Львовского (Украина) и других университетов, а также ряда Фондов и общественных организаций из России, Украины, Беларуси, США.

Большой интерес вызвала тематическая секция «Образование против этнонациональных предрассудков», где выступали преподаватели московских школ и вузов, Российской Академии Образования, Университетов Пердью (США), Марии Складовской-Кюри (Польша), Бреста и Витебска (Беларусь), Общества «Сторожевая Башня» (США) и другие.

В рамках симпозиума прошли также «Круглый стол» «Тень Холокоста: национализм и ксенофобия в постсоветском мире» и тематическое заседание «К истокам и осознанию Холокоста», подготовленные Обществом «Мемориал» (их материалы предполагается опубликовать отдельным изданием).

В симпозиуме принимали участие известные ученые и молодые исследователи, бывшие узники гетто и концлагерей, участники Сопrotивления, историки, педагоги, социологи, философы, психиатры, политологи, общественные деятели. Многообразие подходов, тем и проблем, звучавших на заседаниях тематических секций и «Круглых столов», обусловили оживленные дискуссии и многочисленные вопросы к докладчикам. К сожа-

лению, объем книги не позволил нам включить их текст в настоящее издание.

В чем проявилась новизна подходов авторов докладов данного симпозиума? Во-первых, основная тематика докладов была сфокусирована вокруг проблем изучения и преподавания Холокоста на территории бывшего СССР. Отметим, что по сравнению с первым симпозиумом более детально и предметно шло обсуждение важнейших фактов истории Холокоста на территории СССР (признание уничтожения нацистами советских евреев началом Холокоста, его особенности, статистика жертв в Белоруссии и Украине, численность евреев-партизан и формы сопротивления евреев СССР, антисемитизм в России и СССР как условие массового геноцида на советской земле, особенности нацистской антиеврейской пропаганды в СССР). Во-вторых, отметим специальный блок докладов по проблемам историографии и источниковой базы Холокоста в СССР. Прозвучала информация как о новых архивных комплексах, так и способах извлечения новой информации из видеосвидетельств уцелевших. Никогда ранее не была предметом специального анализа, как источник о Холокосте, периодическая печать, издававшаяся на языках народов СССР на оккупированной нацистами территории. Блок докладов о еврейском Сопротивлении наглядно показал как достижения, так и нерешенные проблемы этой важной темы.

Существенно, что подавляющее большинство участников из стран СНГ и Балтии (и в этом также отличие данного симпозиума от предыдущего) оперировали уже конкретными фактами и документами по истории Холокоста, демонстрировали владение историографией темы, в том числе — зарубежной.

Для российского читателя несомненный интерес представит информация о зарождении и современном состоянии историографии по отрицанию Холокоста и проявлений антисемитской риторики в современных изданиях разных стран мира. Доклады же представителей России, Украины, Молдовы наглядно показывают, что именно в государства бывшего СССР перемещается издательская база и главная читательская аудитория «отрицателей». Есть реальная угроза, что ввиду отсутствия достоверной информации о Холокосте (о советском варианте его отрицания на примере церемоний в Бабьем Яру в 70-х гг. убедительно говорится в докладе известного еврейского «отказника» Иосифа Бегуна) и соответствующей законодательной базы эта литература получит довольно широкое распространение в наших странах. В связи с этим личный опыт противостояния «отрица-

телям» бывшего узника нацистских лагерей смерти Мела Мермелштейна, выигравшего у них первый в США судебный процесс, представляет значительный интерес.

Современное состояние преподавания Холокоста и методическое обеспечение этого процесса в высшей и средней школе стран СНГ стало главной темой докладов образовательной секции симпозиума. Она наглядно отражает те трудности (во многом отличные от других стран мира), с которыми сталкиваются попытки организовывать этот процесс в постсоветских государствах. Опыт США, Польши, Израиля, о котором говорили зарубежные участники симпозиума, также важен для нас в будущем.

Внимательный читатель, несомненно, заметит разницу в трактовке самого понятия «Холокост» применительно к катаклизмам советской и мировой истории, неоднозначные подходы к его уникальности и универсальности, критериям организации преподавания этой темы — от круга предметов и возраста учащихся до необходимости усвоения истории антисемитизма и еврейского народа в целом, способам борьбы с «отрицателями» Холокоста.

Разумеется, симпозиум не только ответил на многие вопросы, но и поставил новые. Надеемся, что он станет традиционным и даст новый импульс изучению и преподаванию этой темы как в России, так и в других государствах бывшего СССР.

Успех работы симпозиума и его большой резонанс в российских средствах массовой информации был во многом обусловлен организационной и финансовой поддержкой мэрии Москвы, российского отделения ДЖОЙНТ и других организаций.

Выражаем особую признательность коллегам из «Мемориала» (прежде всего — В.М. Гефтеру) и руководству РГГУ (Н.И. Басовской и Н.А. Власовой), а также Центру Марка Блока при РГГУ (д-ру Клаудио Ингерфлону и М.Ф. Румянцевой) за четкую организацию всех служб по подготовке и проведению симпозиума. Наша особая признательность — Фонду Макартуров и содиректору его российского отделения г-же Татьяне Ждановой. Именно индивидуальный научный грант этого Фонда позволил воплотить идею проведения симпозиума.

* * *

Настоящее издание стало возможным благодаря содействию Общества «Сторожевая Башня» (США), по инициативе которого материалы пленарного заседания и некоторые другие разделы книги представлены на русском и английском языках (перевод д-ра Руфь Гаффи и Кристиана Пресбера).

Выражаем нашу особую признательность профессору Йельско-

Уникальность или универсальность? Споры вокруг Шоа

Споры вокруг Шоа занимают целые книги. Естественно, за несколько минут я не могу сформулировать все проблемы. Я коснусь только одного из составляющих этих споров, а именно: возможно ли сравнение данного события с другими аналогичными событиями?

С одной стороны, споры вокруг Шоа доказывают, что исследования движутся вперед и тема развивается. С другой стороны, дискуссия часто напоминает диалог между глухими. На самом деле, данные споры сверхнасыщены разным содержанием: политическим, юридическим и моральным. В том числе — вопросом о самоидентификации. Споры эти ведутся в разных местах: в академических инстанциях, среди еврейской общины и так далее. В них вовлечены разные социальные сферы. Такие споры бесконечны, нередко их темы несовместимы.

Поскольку наш симпозиум посвящен урокам Холокоста, я приведу примеры из двух недавних событий. Во время войны и этнической чистки в бывшей Югославии общество «Врачи мира» — гуманитарная неправительственная организация, состоящая из врачей и медсестер, — распространяли афиши, на которых был изображен концлагерь, окруженный вышками, проволокой и голодающими пленными. Текст гласил: «Это лагерь, где идет этническая чистка. Не напоминает ли он вам что-то другое?». Это был призыв к памяти, к воспоминанию о нацистских лагерях для уничтожения евреев. Во Франции немедленно вспыхнула дискуссия. Некоторые представители еврейских организаций восстали против того, что они называли «покушением на память о Шоа». Я не думаю, что искажу их мысли, если скажу, что они делали ударение на уникальность Шоа и на недопустимость сравнений. Они также говорили, что сравнение Милошевича с Гитлером приводит к преуменьшению и даже к отрицанию специфичности опыта и страдания евреев.

Второй пример. Процесс над нацистским военным преступником Барбье в городе Лионе в 1987 году был задуман как показательный процесс. С одной стороны, в восьмидесятые годы тезисы об отрицании Холокоста взволновали Францию, а с другой

— все меньше оставалось живых свидетелей. Единственная возможность приговорить Барбье к смертной казни состояла в том, чтобы доказать его преступления против человечества. В этом случае возникал вопрос: кто должен выступать свидетелем? Только ли депортированные по расовому признаку или можно легитимно вызвать в суд в качестве свидетелей его жертвы по политическим причинам, например, участников Сопротивления? В 80-х гг., в отличие от того, что говорилось сразу после освобождения, организации ветеранов Сопротивления во Франции выступили за расширенное толкование понятия «преступления против человечества». Другие же считали, что только за евреями должно быть сохранено право свидетельствовать на таком процессе, чтобы избежать отрицания или умаления абсолютной уникальности преступления нацистов против евреев.

Как видите, существуют две модели сохранения памяти: антифашистская и та, которая опирается прежде всего на память евреев. Первая из них преимущественно политическая. Она позволяет провести сравнение с другими явлениями. Вторая модель основывается на сохранении памяти и еврейской самоидентификации.

Все было бы просто, если бы споры сводились к противопоставлению двух конкурирующих систем памяти. На самом деле, в этих спорах смешаны как вопрос о признании, так и вопрос о знании. Так, в США, начиная с шестидесятых годов, мы наблюдаем попытки осмыслить понятие «уникальность», в которых участвуют историки, социологи, философы, специалисты по биологии.

Академические исследования не полностью обособлены от конкуренции между обеими системами памяти. Часть ученых превозносит уникальность Шоа. Они считают, что сравнение ее с другими явлениями может привести к исчезновению именно того, что определяет значение этого события. Мы говорим одновременно как бы на двух языках: языке истории и знания и языке памяти индивидуальной и коллективной. Если я выступаю как историк или социолог, с точки зрения морали, я свободен в выборе уровня подхода к действительности и могу позволить себе использовать три разных уровня подхода. Я могу интересоваться **единственностью**, что обычно историки и делают. Я могу интересоваться **частностью**, специфичностью, что обычно и делают социологи. Наконец, я могу интересоваться **универсальностью**, как обычно делают философы.

С того момента, как я выступаю в области академического

исследования, нет никаких причин допустить запрет сравнения. Наоборот, можно также защищать идею, что компаративизм является основой познания. Уже говорили, что мыслить без компаративизма невозможно. Именно открытие Другого позволяет мне осмыслить себя. Открытие для себя Другого как носителя другой культуры позволяет нам осмыслить этноцентризм. Так же, как и открытие Другого, в смысле носителя другой социальной среды, позволяет нам осмыслить наш социоцентризм. Наконец, открытие обществ прошедших времен позволило выработать такое понятие, как анахронизм. Отметим, что компаративизм находится в центре социальных наук в той мере, в которой они пользуются моделями.

Касаясь геноцида евреев, автор должен чувствовать себя свободным, если он хочет подчеркнуть уникальность события. Историки не раз настаивали на том, что такой шаг, как решение полностью уничтожить человеческую группу по расовому признаку, определяет уникальность этого явления. Тем более, что в случае Шоа осуществлением этого решения занималось целое государство.

Среди аргументов, которыми поддерживается такой взгляд, мы находим: и расистское намерение, и индустриальный способ уничтожения, и идентичность жертв, и европейскую пассивность. Но, с другой стороны, я не понимаю: почему нужно запретить исследования геноцида в истории в макроисторической перспективе? Например, Стивен Кац написал работу под заглавием «Холокост в историческом контексте». Первый том, вышедший в 1994 году, посвящен теме Холокоста и массового уничтожения до новейшего времени и насчитывает около семи-восьми страниц.

Когда речь идет о познании случившегося, нет никаких причин, чтобы правила позитивного процесса были составлены исходя из идеологических или других соображений. Например, моим состраданием к жертвам или моим желанием считать себя причастным к той или иной этнической общине. Трудность заключается в том, что когда я работаю по правилам науки, которые подразумевают определенный релятивизм, свойственный социальным наукам, другая часть моей личности кричит мне: «Предатель!». Если я снимаю, как говорят по-французски, «кепку социолога», чтобы остаться только евреем, семья которого была уничтожена во время войны, то ни о каком релятивизме не может быть и речи. Никакого сравнения не может быть, потому

что в моей жизни, в истории моей семьи или в моей еврейской идентификации Шoa является уникальным событием.

Здесь мы находимся на стороне памяти и идентичности в этих спорах, так как в сегодняшнем цивилизованном мире принадлежность к еврейству часто раскрывается по отношению к Шoa.

Внутренняя логика идентификационного процесса толкает в сторону подчеркивания уникальности. Только в абсолютной уникальности мой биографический опыт может найти достойные примеры. Добавим к этому вопросы страдания и потрясения. Каждое страдание абсолютизируется. Трудно просить людей, которые мыслят воспоминаниями и считают себя еврейскими жертвами нацизма, чтобы они сравнивали с чем-либо свой опыт, который для них является уникальным. Я часто констатировал в ходе дискуссий во Франции, что когнитивной аргументации противопоставляются возражения этнические или связанные с идентификацией, а с другой стороны — аргументам, основанным на памяти, противопоставляют академические рассуждения.

Таким образом, эти споры не могут завершиться, потому что обе системы аргументов принципиально различны. Не лучше было бы выбрать один из этих языков: или язык памяти и свидетельств, или язык академический? То есть или стоять на позиции, занятой Клодом Ланцманом, автором фильма «Шoa», считавшим всякую попытку объяснить или понять Шoa недопустимой. Или стоять на позиции, занятой Реймоном Ароном, который любил цитировать философа Гастона Башелара: «Мир, в котором мы мыслим, это не тот мир, в котором мы живем». Р.Арон при этом спрашивал себя: «Как удвоиться и одновременно не отдалиться от себя?» На этот вопрос каждый дает свой собственный ответ.

Но поскольку симпозиум посвящен урокам Холокоста, я скажу следующее. На самом деле, сразу после войны императив памяти был подвергнут другому требованию, а именно — «это больше никогда не должно повториться». Но если мы так говорим, то допускаем, что такое может все-таки повториться. Иначе говоря, допускаем, что Холокост может быть сравним с другими событиями современности. Марек Эйдельман, один из руководителей восстания Варшавского гетто, сказал, что этническая чистка в Югославии обозначает посмертную победу Гитлера.

Отчаяние Тадеуша Мазовецкого, назначенного на роль наблюдателя за этническими преступлениями во время войны в быв-

шей Югославии, а также его отставка, вызванная пассивностью западных держав, напоминает отчаяние Яна Карского, польского посла в Лондоне во время Второй мировой войны. Побывав в концлагере и сделав попытку рассказать миру о том, что увидел, он натолкнулся на непонимание и недоверие. В этом смысле призывы к памяти «Врачей мира», о которых я говорил выше, остаются верными формуле: «Это больше никогда не должно повториться». Врачи учитывали уроки Холокоста, но при этом не утверждали полную эквивалентность между этими двумя историческими событиями.

В более общем плане можно было бы спросить: зачем нужна память об абсолютно уникальном событии? С другой стороны, если мы работаем с памятью, способной обобщать значение исторического уникального опыта, мы работаем в сфере очень близкой к социальным наукам, которые, как мы знаем, претендуют на обобщение. Такое заключение может стать попыткой преодоления антиномичности, поставленной в начале выступления. Это один из способов восприятия уроков Холокоста, при котором память и накопленные знания будут востребованы, а универсальное значение Шоа — признано.

Ицхак АРАД (Израиль)

Уникальные черты Холокоста на территории СССР

На основе прежних многолетних и продолжающихся сегодня исследований, проведенных мною по данному вопросу, позвольте изложить выводы об уникальности уничтожения евреев на оккупированной территории СССР. Я остановлюсь на трех основных факторах, в которых будут сгруппированы эти особенности.

Первый фактор — это *германский фактор*. Нацистские власти, совершившие геноцид по отношению к евреям, на оккупированной территории, уникальность их политики и деятельности.

Нееврейский фактор — это второе. Нееврейское местное население, их отношение к уничтожению евреев, реакция данной группы населения на геноцид против евреев.

Третий фактор — *еврейский фактор*. Евреи — жертвы нацистской политики геноцида, особенность этой общины.

1. ГЕРМАНСКИЙ ФАКТОР

Уникальность его проявляется в следующем:

1. Использование термина «жидо-большевизм» в идеологии и пропаганде как цель для нападения на СССР.

2. Нацистская Германия начала физическое истребление евреев Европы с нападения на СССР. Советские евреи — первые жертвы тотального уничтожения.

3. Германская армия (вермахт) параллельно с айнзацгруппами и другими частями СС несет полную ответственность за уничтожение советских евреев.

Начнем более подробно объяснять эти положения.

1. Использование термина «жидо-большевизм».

Начав Вторую мировую войну с нападения на Польшу 1 сентября 1939 года, нацисты постепенно захватывали в Европе одну страну за другой. Советский Союз был последним в этой цепи агрессивных нападений. До агрессии против СССР нацистские власти никогда не объясняли причины войны против любой европейской страны еврейским господством или еврейским влиянием в ней.

Так, начав военные действия против Польши, нацистские власти утверждали, что поляки напали на Германию. 1 сентября 1939 года Гитлер в обращении к германскому народу заявил: «Польша отклонила мирное решение отношений между нами, к которым я, Адольф Гитлер, стремился. Вместо этого она взялась за оружие. Чтобы положить конец этой агрессии, у нас нет другого выхода, кроме ответа оружием на оружие». А когда немецкая армия вторглась в апреле 1940 года в Данию и Норвегию, то было заявлено: «Единственная цель немецкой военной операции — защита от оккупации англо-французскими войсками военных баз в Норвегии». Война и против других стран имела свои мотивы.

В первый же день нападения на СССР в декларации Адольфа Гитлера, зачитанной Геббельсом по берлинскому радио 22 июня 1941 года, указывалось, что это — идеологическая война. Ее цель — не оккупация какой-либо территории СССР, не покорение народов этой страны, а уничтожение жидо-большевистской власти в СССР. В частности, было заявлено:

«Создался известный нам заговор между евреями и демократами, большевиками и реакционерами, с единственной целью — помешать созданию нового народного Германского государства...

...Никогда германский народ не испытывал вражды к наро-

дам России, однако иудейско-большевистские правители Москвы пытаются в течение двадцати лет разжечь пожар не только в Германии, но и во всей Европе.

...Ныне наступил тот час, когда необходимо выступить против этого заговора еврейско-англо-саксонских поджигателей войны и точно так же против еврейских властителей большевистского московского центра».

Это было обращение к немецкому народу, но в тот же самый день было другое обращение — к советскому народу. Оно было передано по немецкому радио, разбросано в виде листовок над городами и селами советской страны. В нем говорилось, что население СССР превращено в рабов, в крепостных еврейских комиссаров, что патриоты России были безжалостно расстреляны именно еврейской властью. В обращении говорилось, что народам России не нужна эта проклятая власть, что надо послать ко всем чертям евреев и коммунистов и, вместе с немецкой армией, надо идти маршем на Москву, чтобы освободиться от ига коммунистов и проклятых евреев. Мир будет в Европе и России лишь только тогда, когда будет срублена голова еврейского Коминтерна.

Таким образом, велась пропаганда того, что целью войны является уничтожение евреев, уничтожение жидо-коммунизма, а не закабаление народов России. Но это была ложь. Если мы возьмем протокольную запись совещания Гитлера с руководителями Германского рейха, которое состоялось 16 июня 1941 года, то увидим истинную цель войны против СССР.

Я приведу всего лишь несколько цитат из этого документа:

«...Теперь является важным, чтобы мы не раскрывали своих целей и установок перед всем миром. Но нам самим должно быть ясно, что мы из этих областей никогда не уйдем...»

Создание военной державы западнее Урала никогда не должно встать на повестку дня, хотя бы нам для этого пришлось воевать сто лет. Все последователи фюрера должны знать: империя лишь тогда будет в безопасности, если западнее Урала не будет никогда существовать чужого войска. Защиту этого пространства от всяких возможных опасностей берет на себя, естественно, Германия. Железным законом должно быть: «Никогда не должно быть позволено, чтобы оружие носил кто-либо, кроме немцев».

Таким образом, уникальность или особенность в уничтожении евреев на оккупированной территории СССР состоит в том, что, нападая на эту страну, нацисты идеологически и почти открыто

обосновали необходимость этого уничтожения. Этого не было при вторжении германских войск в другие страны Европы. Подчеркну, что для нацистов «юдо-коммунизм» являлся не только идеологическим, пропагандистским методом, а был одним из постулатов их веры.

2. Советские евреи — первые жертвы тотального физического уничтожения.

Уникальный результат этой идеологии и веры проявился в том, что советские евреи были первыми, против кого была использована политика физического уничтожения. До 22 июня 1941 года не было физического тотального уничтожения евреев. В Польше это началось только в декабре 1941 года, а именно в лагере смерти Хелмно, возле Лодзи. А в других странах еще позже. Там этот процесс «окончательного решения еврейского вопроса» имел ряд этапов.

Первый этап: определение, кого считать евреем, и обозначить их особыми знаками. С этого все началось: желтая звезда, белая повязка и так далее. Следующий этап: принудительные работы, а далее — создание гетто, необходимое для концентрации евреев в одном месте. А потом, после нападения на СССР, последовал этап депортации в лагеря смерти на территорию Польши. И все эти этапы были достаточно растянуты во времени.

На оккупированных же территориях СССР уничтожение началось без вышеназванных подготовительных этапов, которые были в захваченных странах Европы. Иногда все эти этапы происходили одновременно. Так, расстрел в Киеве в Бабыем Яру был совершен на десятый день оккупации города. Здесь не было создано гетто, евреям не успели повесить отличительные знаки. Их согнали к месту расстрела и уничтожили. В других местах сначала был массовый расстрел, после чего загоняли оставшихся евреев в гетто, а после этого — новая акция. Были случаи, когда все этапы соблюдались, но при этом они не были растянуты во времени, а все происходило за очень короткий промежуток времени.

3. Участие германской армии в уничтожении евреев.

Особенность уничтожения евреев на оккупированной территории СССР заключается в непосредственном участии вермахта в геноциде (Шоа). Прежде, в захваченных странах Европы, почти везде уничтожение евреев началось после того, как немецкие военные власти передали управление оккупированной территорией в руки своей гражданской администрации. На оккупированной же территории СССР акции по уничтожению евреев про-

водились сразу после захвата того или иного населенного пункта.

Это преступление выражалось в том, что была дана возможность действовать айнцагруппам и другим частям СС, задачей которых было тотальное уничтожение евреев. Ответственность военных властей состоит также и в том, что они издавали приказы о создании гетто и о заключении евреев в них, и о так называемом «переселении евреев в другие местности», что в действительности означало доставку евреев к месту расстрела. Нередкими были случаи, когда немецкие военные части сами участвовали в расстрелах евреев. В других случаях немецкие военные части и комендантуры если не участвовали в расстрелах евреев, то выполняли всевозможные вспомогательные функции. Они оцепляли гетто накануне расстрела, окружали места уничтожения, участвовали в облавах, вылавливая укрывающихся евреев.

Уникально было и отношение к военнопленным евреям Красной Армии. Рядовых военнопленных евреев польской армии в большинстве случаев тут же отправляли в гетто, где они разделяли общую судьбу евреев. Евреев-офицеров польской армии и евреев других армий, оказавшихся в плену, содержали в лагерях вместе с неевреями. Многие из них спаслись. Военнопленных евреев Красной Армии расстреливали немедленно или по мере их выявления. Ответственность за эти преступления целиком лежит на вермахте.

4. Методы уничтожения.

В уничтожении евреев на оккупированной территории СССР принимали непосредственное участие десятки тысяч немцев в айнцагруппах, в полицейских батальонах и бригадах СС. Именно здесь и проявилось добровольное палачество нацистов. В других странах Европы такого массового участия немцев в непосредственном уничтожении евреев не наблюдалось. Если мы возьмем только три лагеря смерти: Белжец, Собибор и Трешлинка, где были уничтожены один миллион восемьсот тысяч евреев Польши, то в них было не более ста немцев и четыреста украинцев. В лагере смерти Освенцим — Биркенау (Бжезинка) тоже было не более нескольких сот нацистов, хотя и здесь было уничтожено около полутора миллионов евреев. Хочу подчеркнуть, что речь идет о тех немцах, которые принимали непосредственное участие в уничтожении евреев. Это — палачи. Это была их миссия, это была их профессия. В так называемом «окончательном решении еврейского вопроса» в оккупированной Европе принимали участие, а значит, были виновны сотни тысяч немцев

— представителей германской бюрократии, полиции, партийные функционеры и так далее. К ним следует и добавить десятки тысяч коллаборационистов.

Уникальным является и способ уничтожения советских евреев. Здесь евреев чаще всего расстреливали во время массовых акций. Евреев уничтожали в душегубках, бросали в шахтные стволы в степных краях Украины, в глубокие колодцы, замуровывали в больших подвалах, детей и раненых засыпали живыми в могилах вместе с убитыми. В других странах Европы евреев депортировали в Польшу, где уничтожали в лагерях смерти, в газовых камерах.

Уникальным на оккупированной территории СССР является подход к определению, кого, собственно, считать евреем. В то время, как в оккупированной Европе в большинстве случаев дети смешанных браков не уничтожались, на захваченных землях СССР с начала 1942 года нацистские власти решили: если один из четырех дедушек и бабушек еврей, то отец или мать — еврей и их потомок — еврей, и они все подлежат уничтожению. Были специальные акции по уничтожению полукровок.

Уникальным является и публичность уничтожения евреев на территории СССР. Нацисты не делали секрета в уничтожении евреев, они этого не скрывали, все это совершалось публично, открыто и, что самое страшное, при довольно большом скоплении любителей этого «зрелища». Об антиеврейских акциях, если его не видели непосредственно, местное население узнавало в тот же день. В Европе уничтожение евреев делалось тайно, жертвы вывозились далеко, в лагеря смерти. Депортацию евреев объявляли перевозом на новое место жительства, обманывали и евреев, и местное население. Считались с местным населением, понимали, что не так уж оно открыто и радостно встретит подобные акции. На территории СССР они себя не очень утруждали этим, значит, тому были основания, об этом следует подумать.

Особенностью было и то, что нееврейское население оккупированных районов СССР знало, буквально с первых минут, что речь идет об уничтожении евреев, а не о каком-то ином населении. Но то, что нееврейское население оккупированной части СССР знало, какая судьба уготована евреям, никак не повлияло на оказание помощи тем, кому грозила смерть.

И, наконец, рассматривая немецкий фактор при определении уникальности Шоа на захваченной территории СССР, мы видим, что евреи стран оккупированной Европы были убиты не там, где

они проживали, а были доставлены для умерщвления на оккупированные территории СССР.

В августе 1941г. в Каменецк-Подольске, на Украине, были уничтожены евреи, привезенные из Венгрии. Осенью того же года евреи из Австрии, Германии и других стран были привезены в Минск, Ригу, Каунас, где они и были уничтожены. Таким образом, мы рассмотрели уникальность проявления Холокоста на территории СССР, связанную с немецким фактором.

II. МЕСТНОЕ НЕЕВРЕЙСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ

Теперь перейдем ко второму из тех трех факторов, которые были определены в начале моего доклада, то есть фактору, связанному с нееврейским населением. Эта уникальность связана прежде всего с тем, что здесь был весьма широко распространен бытовой антисемитизм, охвативший значительные слои населения, проживавшего на территории СССР. Его проявление было намного сильнее, чем в других странах Европы. Достаточно вспомнить, что за двадцать лет до Катастрофы, в 1918-1920 годах, только на Украине, во время погромов, было убито сто пятьдесят тысяч евреев.

Во всех странах Европы, куда вошли германские войска, сохранились местные муниципальные власти и местная полиция. На оккупированной территории СССР местные власти были эвакуированы. Поэтому эти местные органы и местная полиция формировались исключительно на основе добровольного сотрудничества из представителей нееврейского населения. Эти местные власти и полиция принимали активное участие в уничтожении евреев. В некоторых местах уничтожение евреев было в основном совершено местной полицией без всякого участия немцев или их было ничтожно мало. Это уникальное явление. В других странах местная полиция сторожила, как правило, гетто, помогала во время депортации евреев в лагеря смерти, но никогда не принимала непосредственного участия в их уничтожении.

Нацистам было трудно распознать, кто еврей, а кто нееврей. В других странах Европы архивы и описи населения сохранились, и еврею скрыть свое происхождение было почти невозможно. На оккупированной территории СССР архивы были или эвакуированы, или уничтожены, а паспорт, в котором стояла графа «национальность», можно было и потерять. Нацистам в этом добровольно помогали пособники из нееврейского населения, они помогали выяснить, где еврей, а где нееврей. Особенно это было видно на примере смешанных браков.